

Память о 1812-м

К 200-летию Отечественной войны

Арсений Александрович Замостьянов

Нашествие

Это было ровно двести лет тому назад. Значит, с тех пор прошли три жизни продолжительностью в 66–67 лет. Рукой подать!

22 июня император Наполеон нашёл слова для политического обоснования нового похода за славой, хлебом, золотом и мировым господством. О, это было воинственное воззвание:

«Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась в Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией; ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, пока французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на её произвол.

Россия увлечена роком. Судьба её должна свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идём же вперёд, перейдём Неман, внесём войну в её пределы.

Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесёт с собою и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы».

Бывший генерал Бонапарт умел разговаривать с армией. Умел вдохновлять на подвиги воинство, воодушевлённое революционными идеями

Бой на Бородинском поле.
Худ. В.Г. Шевченко. 1970-е гг.

Идеология победы

свободы и жаждой наживы. Как и принято в подобных случаях, он нашёл благообразный политический повод для вторжения. Нарушение тильзитских соглашений, нарушение (неизбежное для России!) континентальной блокады, вечный польский вопрос... Конечно, это недостаточные причины для фантастической по тем временам переброски огромной армии на тысячи километров на Восток. Неслучайно наименование войны, предложенное Наполеоном — Вторая польская, не приживётся. Для французов война станет «русским походом», для нас — Отечественной. Отбросив лукавую риторику, мы увидим, что Наполеон не мог смириться с существованием в Европе неподконтрольной ему сильной армии. Великий завоеватель понимал, что пока Россия остаётся воинской державой, о французской гегемонии говорить не придётся.

Вряд ли Бонапарт когда-нибудь верил в прочность тильзитских соглашений... Он намеревался сделать с русской армией то, что он триумфально проделал с австрийской и прусской. Перед ним лежала огромная крестьянская империя — не столь густонаселённая, как знакомые ему страны Европы. Здесь царил патриархальный уклад, даже внешне русские бородачи не были похожи на французских или итальянских пейзажей. Целых сто лет, начиная с Петра Великого, Россия не знала серьёзных поражений. Первое осязаемое поражение нанёс русским он, Наполеон, при Аустерлице. Значит, нужно подчинить эту страну!

Великая армия перешла через Неман. Триумфальным маршем топтала русскую землю.

*«Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели», —*

напишет Тютчев.

Инициативный, могущественный агрессор, готовый к тяготам походов, всегда обретает тёмную, но почти неодолимую силу. В этом

секрет великих завоеваний — от Кира до гитлеровского Рейха. Ведь мало кто оказывал им сопротивление! Человек по грешной природе своей «животолобив», отдавать жизнь «за други своя» непросто, куда легче покориться мировому гегемону. Народы расступаются перед завоевателями. Так Наполеону покорились все, кроме испанцев, португальцев, англичан и русских. Гитлеру — все, кроме англичан, русских и, пожалуй, сербов. Англичанам по географическим причинам было чуть проще... В остальных государствах против завоевателя с горем пополам (а вовсе не до последней капли крови!) сражались регулярные армии, а народные очаги сопротивления были, как говорят физики, пренебрежимо малы. Есть на свете единственное государство, в котором вот уже четыреста лет не принято гнуть спины перед иноземными работодателями. Нам повезло в этом государстве родиться. Может быть, прав был император Пётр в своей запальчивости: «Природа произвела Россию одну, она соперниц не имеет»?

План Наполеона был во многом авантюристическим, но не сумасбродным. По прежним кампаниям — по Прейсиш-Эйлау, по Фридрихсвалду, даже по Аустерлицу — он знал упорство русского солдата. Но держался невысокого мнения о полководцах, да и императора Александра не считал твёрдым правителем. Плацдармом для нашествия стала вся Европа, кроме британских островов. Полумиллионная Великая армия с блистательной репутацией при смелом блицкриге казалась несокрушимой силой. Кто устоит перед натиском Нея и Даву — надёжных проводников воли Наполеона? А в русской армии даже единоначалия не было! Вырисовывалась вполне достижимая перспектива: разгромить в генеральном сражении основные силы русских, принудить Александра (или его преемника, если гвардия с горя устроит в Петербурге очередной переворот) к капитуляции. Россия превратилась бы в очередного сателлита могущественной Франции. В поставщика пушечного мяса, лошадей и хлеба для новых походов — против Британской империи.

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

В армии Наполеона французов было меньше половины. Поляки, баварцы, итальянцы, датчане, голландцы... Надменный Евросоюз, сыны воинской интеграции. Даже недавние союзники императора Александра — пруссаки и австрийцы — теперь готовы были сражаться под знамёнами Наполеона. Ему (как и основателю несостоявшегося «Тысячелетнего Рейха») многое удавалось по праву сильного, до поры до времени, а точнее — до вторжения в Россию.

Презрение к России, к её святыням, к её героям было идеологической основой нашествия 1812 года. Заставить полумиллионное войско сражаться в тысячах километров от родных мест — технически непростая задача для первой половины XIX века, когда главным транспортным средством оставалась лошадь. Вот Наполеон и попытался возродить дух Крестовых походов, когда религиозная ярость помогала превозмогать лишения. Наполеон — дитя Французской революции, он не был религиозен. Значит, требовалось доказать собственной армии, что Россия — мировой агрессор, коварное и жестокое государство, а уничтожение России — великое благо для нынешних и будущих поколений цивилизованных европейцев.

Французы намеревались *приструнить и подчинить варваров* — таково было кредо той войны — и потому неизбежно впадали в недооценку противника. И потому не могли наладить деловые отношения с жителями оккупированных территорий. «Благородные» рыцари Наполеона вели себя в России как поработители: им внушили презрение к русскому «скоту». Гордыня помогла Наполеону успешно ввязаться в драку вдали от родной Франции. Но гордыня помешала ему победить Россию...

Антикрепостническая пропаганда мало кого убедила, а вот бесчинства оккупантов народ оценил по заслугам и без промедления. Для мужика Наполеон был антихристом, воплощением зла — и это не только результат умелой агитации Ростопчина и подобных ему пронизательных вельмож. Это шло от души, от сердца: идти на басурмана. Как буд-

то ветры Куликова поля задули над страной, всколыхнули историческую память, заставили встать за землю Русскую. Крестьяне сжигали хлеб, оставляли захватчикам пепелища. «Не доставайся злодею!» — таков был народный лозунг того лета.

С двухсотлетней исторической дистанции мы воспринимаем ту Россию в духе героической идиллии. А в XIX веке судьбы Отечественной войны были предметом острых споров. В наше время то и дело подвергается сомнению официальная патриотическая версия Великой Отечественной 1941–1945 годов, продолжается дипломатическое противостояние по результатам Второй мировой. Всё это было и в XIX веке... Говорили и о воровстве интендантов, которые довели русскую армию до голода. И о том, что за патриотическими словесами дворяне и купцы прятали корыстный

«Забил снаряд я в пушку туго...».

Худ. В.Г. Шевченко. 1970 г.

Идеология победы

интерес. Известен такой беспощадный отзыв о российской элите 1812 года: «*Не покрыло ли оно себя всеми красками чудовищнейшего корыстолюбия и бесчеловечия, расхищая всё, что расхитить можно было, даже одежду, даже пищу, и ратников, и рекрутов, и пленных, несмотря на прославленный газетами патриотизм, которого действительно не было ни искры, что бы ни говорили о некоторых утешительных исключениях*».

Неужели «ни искры»? Как же в таком случае устояла Россия? Как одолела Великую армию? Изворовавшаяся страна непременно распалась бы, раскололась под ударом. Будем судить по результатам. Несмотря на все ошибки и пороки, несмотря на показуху и интриги, несмотря на отсутствие признанного «военного вождя», Россия оказалась в 1812 году силь-

нее всех в мире по стойкости патриотического духа. Случайных побед не бывает. А очернить можно любую страну — как и любую семью.

Император Александр в год нашествия, по собственному признанию, только начал читать Священное Писание — впервые, хотя ему шёл тридцать пятый год. До войны 1812 года любимый внук Екатерины «учился понемногу» и разговаривать по душам с Православной Русью не мог. Потому в годину великих испытаний государственным секретарём, правой рукой государя стал Александр Семёнович Шишков — адмирал, учёный, будущий министр просвещения, патриот, яростный борец с иностранщиной в русском языке и в русской жизни. Кто, если не Шишков, написал приказ по русской армии, подписанный императором 25 июня:

Обращение М.И. Кутузова к войскам накануне Бородинского сражения. Худ. Ю. Атланов. 1982 г.

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

«Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрепятственное возобновление явных оскорблений, при всём нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь ещё примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кроткости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остаётся нам ничего иного, как призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождам, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог».

Как важно найти ёмкий, точный, эмоциональный образ, который станет крылатым. Эти слова наполнили смыслом первый акт русского сопротивления: «На начинающего Бог». В пропагандистской войне Россия устояла, потому что Шишков хорошо знал и армию, и народ. Знал, какая патетика царапнет сердца...

Шишков был автором и царского Манифеста о вторжении Наполеона:

«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие Великой сей Державы. Он положил в уме своём злобное намерение разрушить славу её и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несёт он вечные для неё цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставяем в преграду ему войска наши, кипящие мужест-

вом попрасть, опрокинуть его, и то, что останется неистреблённого, согнать с лица земли нашей...

Да найдёт он на каждом шагу верных сыновей России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! вы всегда тёплыми молитвами призывали благодать на главу России; народ русский! храброе потомство храбрых славян! ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют».

Шишков обращался к православным братьям, пытался преодолеть стену непонимания, разделившую дворянство и крестьянское большинство. После Победы именно он, адмирал и государственный секретарь, предложит выгравировать надпись на памятной медали — цитату из псалма: «Не нам, не нам, но имени Твоему». В июне и июле 1812-го до Победы путь лежал долгий, но Россия не рассыпалась. Оцетинилась и приняла удар.

О патриотическом воспитании

О патриотическом и военно-патриотическом воспитании сегодня толкуют на всех педагогических перекрёстках. Должна ли школа вообще воспитывать? Жизнь не даёт на этот вопрос однозначного ответа. Да и возможны ли такие ответы — однозначные, окончательные? У патриотического воспитания немало оппонентов, для которых эти материи — сплошное варварство. Самым утончённым, самым современным идеологам не в радость маршевые трубы патриотизма, ведь они заглушают трели общечеловеческих ценностей.

Идеология победы

Есть и такое мнение: патриотизм не только необходим человеку, но и присущ ему органически. Чего же тут воспитывать? Приучать к националистическому бахвальству, к шовинизму?

Но патриотизм, чувство Родины, чувство единства с историей Отечества, с разными поколениями соотечественников — всё это не сорная трава. Патриотизм не может развиваться сам по себе. Его следует культивировать, если мы заинтересованы в сохранении России как независимого государства, русского языка, единой культуры многонационального народа, проживающего в России и в странах распавшегося Советского Союза. Не сохраним пространство — окажемся бесцельными перед любым испытанием, перед любым кризисом.

Тем временем антипатриотическое воспитание набирает ход — в телепередачах, в Интернете, в нарождающихся мультикультурных и попросту бескультурных традициях...

Память о войне 1812 года много лет возвышала души. Как часто мы замечаем в нашей жизни тревожные симптомы, вздыхаем о старых добрых временах, критикуем день нынешний. В прошлом ищем идеалы: «Богатыри — не вы!». Современность всегда выглядит неприглядно: «Настоящее уныло... Что пройдёт — то станет мило». Даже древние египтяне ворчали: не та пошла молодёжь. И ведь не ошибались! Но некоторые поветрия последнего времени достойны уважения. Я говорю о том интересе к истории Отечества, который прослеживается сегодня в настроениях общества. Англичане потихоньку забывают про адмирала Нельсона, не говоря о Ричарде Львиное Сердце. Немцы вообще пребывают в растерянности и в горячке самобичевания. У них осталась одна забава: каяться от зари до зари. Американцы, конечно, настроены патриотически, у них нет сомнений, что их держава во всём должна первенствовать. И тех, кто изображён на долларовых банкнотах, они помнят и уважают. Но более-

мене глубоких знаний о Вашингтоне и Линкольне у них нет, есть поверхностное, ритуальное почтение, а горячего любопытства днём с огнём не встретишь. Нет его! Как нет и стремления разобраться в секретах истории.

Дело в том, что для всех народов Запада героическую историю давно заслонила англо-американский шоу-бизнес и его величество Голливуд. Национальными героями стали придуманные персонажи блокбастеров, дружинисто шагающие в ореоле спецэффектов. А Россия тянется к родной истории. Да, к мифам, но к мифам, основанным на историческом материале. И Александр Невский значит для нас больше, чем Ричард для британцев. А Суворов для нас поважнее, чем хромой Фридрих для современных пруссаков. Вспомним: в какой ещё стране телевизионный конкурс на определение наиболее выдающихся деятелей отечественной истории (у нас он назывался «Имя Россия») вызвал столь бурные споры среди десятков тысяч активистов? Аналогичные конкурсы прошли во многих странах, но нигде не было столь широкого резонанса. Напомню, что в нашем конкурсе первенствовал Александр Невский. Ни в одной другой стране деятели столь отдалённой от нас эпохи не вызвали такого количества откликов! Правда, вероятнее всего, при честном подсчёте голосов оказалось бы, что победил Сталин, но в любом случае святой князь Александр Ярославович остался в памяти народной.

Другой симптом — популярность телевизионных дебатов на историческую тему. В первую очередь — популярнейший «Суд времени». В телестудии сталкивались мнения не только по актуальным проблемам истории последних ста — ста пятидесяти лет, но и по сюжетам истории далёкого прошлого. Преданья старины глубокой по-прежнему волнуют нас! Не отпускают. На этот счёт есть пустопорожнее мнение: Россия погружена в прошлое, поэтому её настоящее убого, а будущее трагично. Но «копание в прошлом» — это не

Фрагмент памятника Кутузову. Скульптор Н. Томский. 1958 г. →

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

топтанье на месте, не прозябание. Если бы прервалась связь времён, если бы мы начали с «чистого листа» — это означало бы окончательную победу бескультурия и деградации.

История — это основа культуры. Ведь она включает в себя и историю литературы, и историю ремёсел, и историю искусства, и историю науки... И, конечно, историю войн, в которую входит и всё упомянутое. В прошлое расходятся немало дорог, бродить по которым — наслаждение и польза.

Зачем нужен юбилей войны 1812 года в школе? Снова — натужная обязаловка, которая отвлекает от учёбы? А не скатимся ли мы к шовинизму?

Необходим новый подход к изучению священных эпизодов российской истории. Они должны стать основой воспитания. Да-да, *военно-патриотического воспитания*. В Древней Элладе изучение «Илиады» было

фундаментом образования. Читали героическую поэму о боевом прошлом ахейцев — и вырастали в героев, которых невозможно было одолеть. Греки превосходили соседей интеллектуально и физически во многом благодаря системе образования, основанной на уважении к великому историческому прошлому. Здесь есть чему поучиться.

1812-й год — это наша «Илиада». Только она не помещается в одну книжку. Потому что это и «Война и мир» Толстого, и научно-популярные жизнеописания Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова, и стихи о победе 1812 года, в первую очередь — «Бородино» М.Ю. Лермонтова. Стихотворение всенародно известное, с его звучных аккордов для многих из нас начиналось знакомство с русской литературой. И это прекрасно! Так и должно продолжаться. Человек, знающий наизусть хотя бы три строфы из «Бородино», хранящий память о первом ярком знакомстве с этим стихотворением, не станет равнодушным обывателем «без роду, без племени». А равнодушные — штука опасная, оно — питательная среда для хищнического, потребительского отношения к жизни. И ведь «Бородино» не

Идеология победы

превратилось с годами в архаичный реликт. Там живая русская речь. Звучная, полнокровная. Там — редкостная убежденность, потому что удалось поэту попасть в унисон со стихией исторической правды. И получилось поистине государствообразующее стихотворение — в этом жанре, пожалуй, наиболее сильное в русской поэзии.

Не зная «Илиады», невозможно было понять суть древнегреческой цивилизации, приобщиться к ней. «Бородино» для нас — такой же пароль, открывающий ворота в Россию. Изучайте Лермонтова всерьёз, без постмодернистских искажений, которые, к сожалению, проникают и в школы. Изучайте его как сокровенный эпос великого народа — и на уроках литературы, и на уроках истории. Учитесь читать, произносить и пересказывать прочитанное по «Бородину» — вот вам и патриотическое воспитание. Не искусственное, не «по разнарядке», а нутряное, природное. Вдумаемся: лучшие произведения русской литературы связаны с воинским подвигом 1812 года. С героическим сопротивлением агрессору. «И клятву верности сдержали мы в Бородинский бой» — что может быть выше? Звёздные часы в судьбе народа! Принижать их значение — значит разрушать цивилизацию.

Идеология Победы

В годы великих испытаний народ показывает свою суть. И победы в наполеоновских войнах показали всему миру, что такое Россия, какова она, эта загадочная страна, которую на Западе долго считали варварской. Да, европейские светила, корифеи века Просвещения с почтением относились к императору Петру. Но представляли его всё-таки в известной степени варваром или великим цивилизатором тёмных восточноевропейских масс. Да, русская армия показала себя во всей красе в Семилетнюю войну. Да, после потёмкинской военной реформы русская армия стала сильнейшей в мире — тому подтверждение блистательные победы Суворова в русско-турецкой войне и польской кампании 1794 года. Но всемирная эпопея борьбы

с Наполеоном имела куда больший резонанс. Не только героизм русского солдата восхитил Европу в те годы. Все увидели на востоке Европы великую державу, крепкую государственность и народ. Народ, достойный не только уважения, но и восторга. Русского солдата — крепостного крестьянина — в Европе считали рабом, а он оказался подлинным рыцарем. Конечно, не все это заметили и оценили. Многие удивлялись: почему эти «рабы» сражаются не за страх, а за совесть? Почему в их облике и обычаях есть и достоинство, и уверенность в себе?

Россия побеждала, — а у победителей всегда немало недругов, завистников. Неслучайно именно тогда появилось понятие «русофобия». Но среди европейских мыслителей были и те, кто стремился понять и полюбить Россию. Первое имя, которое приходит на ум — Жермена де Сталь. Она была дочерью Жана Неккера — министра финансов при короле Луи XVI. Неккер был реформатором, он действовал в суматошный период пролога Французской революции. Когда общественная жизнь окончательно радикализировалась и для Франции настали кровавые времена, он отошёл в тень. А его дочь проявила себя, как убежденная противница якобинцев и генерала Бонапарта. Наполеон приказывал сжигать её книги...

Жермена де Сталь побывала в России, общалась с нашими политиками, писателями, полководцами. Присматривалась и к людям «простого звания». Вышла книга Ж. де Сталь о России. Приведу её слова: *«В характере русского народа — не бояться ни усталости, ни физических страданий. В этой нации совмещаются терпение и деятельность, весёлость и меланхолия; в ней соединяются самые поразительные контрасты, и на этом основании ей можно предсказать великую будущность... Этот народ характеризуется чем-то гигантским во всех отношениях; обыкновенные размеры неприложимы к нему».*

То и дело мы слышим разговоры о том, что народ, приверженный Православию, по всем

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

статьям проигрывает более просвещённым и успешным католикам и протестантам. События наполеоновских войн показали идиотический уровень этих рассуждений, но мы слышим их снова и снова... А Жермену де Сталь наши деды убедили: Россия с её традициями и богатырскими ухватками — это великая сила.

Есть в истории государства Российского эпизоды, к которым каждый из нас хочет быть причастным. Это звёздные часы России — удивительной страны, в которой нам посчастливилось родиться. Написал я эти строки и подумал: как это банально, как натужно... Манная каша какая-то, да и только! Я, правда, и манную кашу до сих пор люблю — если горячая, да под чай с лимоном. Но к чему ломиться в открытую дверь? Что может быть смешнее, чем прилежное повторение прописных истин: фрукт — яблоко, Волга впадает в Каспийское море, подвиг героев 1812 года не меркнет, «богатыри — не вы!»...

Когда-то и впрямь восхищение победами русского оружия воспринималось, как дежурная банальность. Так было в 1912-м, когда верно-подданнические стихи о 1812-м радостно декламировали гимназисты — среди которых немало было будущих смутьянов 1917 года. Так было в наше брежневское детство, когда «патриотическое воспитание поставили на широкую ногу». В первую очередь, прославляли, конечно, советских героев, но и про Кутузова не забывали. Выходили книги о победах русского оружия, предназначенные для детей: упомяну только «В грозную пору» Брагина, замечательные книги Анатолия Митяева и Сергея Алексева.

Есть ведь и другой взгляд на судьбу России — панический, ехидный, высокомерный. «Вот всё у нас так!» — повторяют острословы, когда случается нечто отвратительное, постыдное или просто неприятное самолюбию; «Как это по-нашему!». А другие понимающе кивают, чувствуя себя посвящёнными в таинство *Благородного Сопротивления Свинцовым Мерзостям России*. В последние годы нашу страну они полюбили называть собачьей

кличкой «Рашка». Насколько меньше было бы таких нападков на Россию, если бы мы твёрже боролись с собственной гордыней. Потому что основа русофобии русских людей — в ощущении, что «я лучше этого государства, этой эпохи, этого общества». Мы выпячиваем своё надменное «я», откармливаем высокомерное «эго».

Презрение к «родным осинам» — это не исключительно русское явление. Это банальное, как бревно, «обратное общее место» национального чванства — чванство антинациональное. Приглядимся к себе, это присуще человеку: в приступе гордости мы отвергаем государственные устои и высокомерно взираем с высокого холма на серую массу. Да, с высокого холма сограждане всегда кажутся маленькими и серыми. Особенно сильным это искушение было, есть и будет для интеллигенции. У Пушкина читаем: «чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом». Правда, куда чаще он бывал яростным русофилом, а без сомнений, без противоречий, без уязвлённости палитра художника бедна...

Помните у Вертинского — перепетое Гребенщиковым «в бездарной стране»? Но как покажянно он ответил сам себе в более позднем (времен Великой Отечественной) стихотворении:

*О Родина моя, в своей простой шинели,
В пудовых сапогах, сынов своих любя,
Ты поднялась сквозь бури и метели,
Спасая мир, не веривший в тебя!*

Да, человеку невмочь всю жизнь проскользнуть в одном благостном настроении. А всё-таки скромность и патриотизм лучше самолюбленности и отщепенческой гордыни.

Воспоминания об этой войне окрыляют — как увертюра Чайковского «1812 год».

200 лет назад император Наполеон, подмявший под себя всю Европу, готовился к великому походу на Восток. Казалось, для него нет невозможного. В те времена, если вы произносили: «Великий человек!» — уже не

Идеология победы

стоило пояснять, о ком идёт речь. Это было нашествие двенадцати языков — таким запечатлелось в фольклорной памяти. Союзники остались где-то далеко, за Ламаншем, а «объединённая Европа» нахлынула на Россию...

На волне Французской революции была создана уникальная армия. Революция выдвинула молодых, дерзких, одарённых людей, которые готовы были идти на смерть. Они были новаторами, реформаторами армии. В то же время император Павел I «опруссачил» русскую армию, свёл на «нет» старания Потёмкина, Румянцева, Суворова, чем резко ослабил боеспособность нашей армии. Александр I исправил многие перегибы отца. При нём, как известно, усилилась артиллерия, но на уровень 1790-х годов русская армия не вернулась. Потому для борьбы с Наполеоном потребовалось напрячь все силы. Потребовалось самопожертвование Москвы после бородинской схватки.

Бородино

«Бородинская годовщина» — это словосочетание нам известно по стихам Жуковского и Пушкина. Победа 1812–1814-го столетия была словом правды, которое отражало агрессию самых искромётных русофобов.

*Бой московский,
Взрыв кремлёвский –
И в Париже русский штык!*

Это В.А. Жуковский, наш певец во стане русских воинов. Только так побивались доводы клеветников России.

Этот спор продолжился и в XX веке. Помните, как воевал с «голосами» и «подголосками» Сергей Михалков, который, подобно Жуковскому, создал два государственных гимна нашей страны: «Да, посмей назвать отсталой / Ту великую страну, / Что прошла через войну... / И почти до звёзд достала / Перед рейсом на Луну!».

Та же расстановка сил: Россию хотят идеологически поработить, прижать к земле, чтобы

страна сама себя ненавидела и презирала, а мы в ответ — пробуждаем историческую память о победах...

Недаром возникла потребность увековечить подвиг победителей Наполеона. И Бородинское поле уже в XIX веке превратилось в священный заповедник исторической памяти. Такого обилия величественных памятников не знало ни одно поле в мире... Стоял там и монумент, посвящённый французским героям.

Но не вычеркнуть из нашей истории и позорные эпизоды беспамятства. После Октября наследие царизма хотели сбросить с корабля современности. Не в чести у новой власти оказались и герои 1812 года. Ведь они сражались «за веру, царя и Отечество», защищали феодальные порядки... И не могли понять неистовые ревнители пролетарской правды, что глупо применять учение Ленина к реалиям начала XIX века, когда в России не было ни влиятельной буржуазии, ни массового пролетариата... Конечно, государство не объявляло героев Бородина врагами трудового народа, но их оттеснили на обочину государственной идеологии. В школьных учебниках прославлялась Великая Французская революция. Сочувствовать крепостникам, феодалам было не принято, о народном патриотизме упоминалось вскользь.

Бородинский мемориальный комплекс сохранял статус просветительского учреждения, но слава его поблекла. Горстка энтузиастов честно «несла свой крест». Они сохранили музей, сохранили бородинский заповедник истории.

И всё-таки бородинские памятники ветшали, их отправляли на переплавку. В 1932 году радикалы пошли в атаку на Бородинский музей. Нашлись варвары, которым хватило бесстыдства разорить могилу Багратиона — генерала, который в любой операции сражался там, где опаснее, и получил смертельное ранение на Бородинском поле. Между прочим, грузинский князь Багратион был одним из любимых героев Сталина! Уничтожили

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

и памятник на батарее Раевского, чугун пошёл на нужды индустриализации. Думаю, неслучайно всё это случилось в начале тридцатых, когда борьба между космополитами и государственниками в партии и в советском государстве вошла в наиболее ожесточённую стадию.

Радикалам хотелось начать историю «с чистого листа», перечеркнуть всё, что было в «старом мире». Но они проиграли, не могли не проиграть. И уже в 1937-м 125-летие Бородинского сражения страна отмечала, как подобает наследникам героев. Теперь ни о какой смердяковщине в официальной пропаганде не могло быть и речи. О Кутузове, Багратионе, Раевском, Денисе Давыдове заговорили как о всенародных героях.

Стране понадобился глубинный патриотизм, уходящий корнями в далёкое прошлое. Портреты Кутузова отныне украшали каждую воинскую часть. Пожалуй, каждый советский человек «знал в лицо» Кутузова и Багратиона. Теперь и представить было нельзя, что каких-нибудь пять лет назад памятники этим героям свозили на свалку... Учителя с воодушевлением принялись воспевать подвиги героев Бородина, в новых учебниках предлагались более взвешенные оценки исторического прошлого. Советский патриотизм распространили на всю историю России, тем самым восстановили связь времён. Вот вам и намёк, и «добрым молодцам урок». Ведь это и сегодня актуально! Снова радикалы (на сей раз не левые, а правые) предлагают нам осколки истории. Призывают к саморазрушительному покаянию, стремятся вычеркнуть из истории целые пласты.

В середине тридцатых началось восстановление бородинского мемориала — правда, осенью 41-го на поле русской славы снова звучали взрывы, снова погибали герои, сдержавшие «клятву верности». Война снова докатилась до Москвы. 10 октября на Бородинское поле прибыли войска 32-й дивизии под командованием полковника Полосухина. Заняли оборону. Поле ратной славы изгородили окопы. Знамена русских полков,

сражавшихся при Бородине в 1812-м, не успели эвакуировать из музея. Полковник Полосухин приказал отдать эти знамена частям, которым предстояло сражаться на Бородинском поле. На шесть дней герои-полосухинцы задержали продвижение врага, а потом пришёл приказ отступить за Москву-реку — на новые позиции. В неравных боях дивизия не дрогнула, ни одно знамя, ни одна из священных реликвий 1812 года не досталась врагу.

Немцы (впрочем, это снова была объединённая Европа!) заняли Бородино, а в Спасо-Бородинском монастыре устроили лагерь для военнопленных. Это продолжалось недолго: битва за Москву стала первой крупной победой Красной армии, а врага, как встарь, отбросили на запад.

Имя Багратиона загрохотало снова на западе страны, когда в честь неустранимого полководца назвали военную операцию, проведённую в июле — августе 1944 года в Белоруссии. Советский народ словно приносил извинения герою Бородина за кощунственную выходку 1932 года.

Страна возвратилась на круги своя, возродила армию.

К счастью, «Бородино» Лермонтова и «Война и мир» Толстого никогда не исчезали из школьной программы!

Бородинское поле снова стало символом доблести: «Не до ордена, была бы Родина с ежедневными Бородино». Романтизация воинского подвига — это не дикий милитаризм, а победы высокой культуры над духом разрушения.

В предвоенные годы в нашей стране начался расцвет баталистики, героики — во всех искусствах и науках. Героика стала жизненной философией. Художники вспоминали традиции Верещагина, создавали полотна, посвящённые 1812 году. Тема побед над Наполеоном зазвучала в новых военных песнях. А ещё — исторические романы, диссертации,

Идеология победы

научно-популярные издания... А фильмы? В годы войны на экраны вышел «Кутузов». Фильм о том, как Россия оказалась на грани порабощения, но выстояла и погнала врага. Актёр Алексей Дикий создал образ народного героя, подлинного вождя, у которого «сперва сапог, а уж потом — фамилия».

В годы войны самой популярной книгой во всех библиотеках СССР была «Война и мир». Именно тогда композитор Прокофьев начал работать над оперой по толстовской эпопее. Образы героев 1812-го окружали поколение победителей и в тылу, и на фронте. Плакаты, конверты, почтовые марки, карикатуры, в которых русские воины разных эпох одолевали врага...

В эту патриотическую пропаганду было вложено немало таланта. Героика прошлого помогала побеждать, укрепляла боевой дух. С тех пор победные традиции в России стали основой народного самосознания. Их пытались поколебать, оплевать, но тщетно. Срабатывал патриотический инстинкт самосохранения. Он не утратился и в XXI веке. Но его нужно воспитывать, тренировать, опираясь на лучшие качества народа, на лучшие традиции нашей истории. Это невыгодно тем, кто хочет видеть Россию бессильной, погрязшей в склоках, в пьянстве, в междоусобицах. И они будут отстаивать свои интересы, будут умело навязывать нам свои глянцево-броско упакованные ценности. Не поддавайтесь, когда вам говорят: во имя будущего откажитесь от исторического прошлого. У беспамятства свои аргументы: любовь к прошлому тянет назад, в трясины отсталости... Ложь! Мы отстаём и деградируем, когда подчиняемся чужой логике, когда отрываемся от почвы. Но — без паники, есть у России запас прочности!

В какой ещё стране событие двухсотлетней давности остаётся столь острым патриотическим переживанием? Благодарная любовь к победителям Наполеона у нас в крови. Стоит только увидеть гравюры Тербенева, парадные портреты военной галереи Зимнего дворца или просто вспомнить образ гусара или

казака, летящего в бой — и мы ликуем, как ликовали современники Ермолова и Милорадовича. За это — великое спасибо тем, кто превратил страницы истории в пласт культуры. Лермонтову! — здесь можно поставить и три восклицательных знака. Денису Давыдову — он ведь не только воевал, но и воспевал; не только воспевал, но и анализировал... Льву Толстому, Чайковскому, Тютчеву! Дикому — за роль Кутузова в кино, Закариадзе — за роль Багратиона. С.Ф. Бондарчуку — за киноэпопею. Музейным работникам, добровольцам, которые сохраняли в Бородине огонь памяти даже тогда, когда не было государственной поддержки. Школьным учителям истории и литературы. Без них мы бы не понимали друг друга с полуслова, вспоминая 1812 год.

Все правители России в Кремле каждый божий день проезжают мимо трофейных пушек, добытых в победных походах 1813–1814 годов. Почаще бы подходили, приглядывались к этим почтенным орудиям... Они о многом могут рассказать. В первую очередь — о величии России, о непревзойдённой ратной славе. О том, что не пала под ударом держава.

Двести лет прошло, но мы помним. И будем помнить.

Азбука Победы

А Победа получилась нешаблонная. Неприятель занял Смоленск, затем обе армии не дрогнули при Бородине, но Наполеон продолжал наступать и вскоре занял Москву — первопрестольную столицу. О такой катастрофе привыкшие к победам гордые патриоты империи Петра Великого и помыслить не могли...

Русские войска в кампании 1812 года нанесли французам лишь два-три не слишком крупных поражения. И не эти — победные для русской армии — сражения решили исход войны. Но за полгода Наполеон потерял армию, причём вопреки бонапартистским легендам это случилось до наступления морозов. Скифская война? Отчасти да. И Михаил Илларионович

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

Кутузов не отрицал, что наша задача — обмануть, перехитрить непобедимого противника. Такую дорогу к победе увидел Кутузов — не прямоезжую, извилистую.

Толстой связывал победы 1812 года с «дубиной народной войны». И здесь снова не вся правда. Хотя опыт народного ополчения и партизанского движения (связанный с исторической памятью о Смутном времени) бесценен и партизанская борьба показала русский характер, о который разбились великие армии и в 1812-м, и в 1943-м.

Наполеон, конечно, не думал о капитуляции, отступая от стен Москвы. Но планы Бонапарта продолжить наступательную войну с Россией в 1812 году не могли осуществиться: мощь, которую Франция копила десятилетиями, за полгода растаяла в северной империи. Но и в преддверии новой — заграничной — кампании Кутузов предусмотрительным маневром преградил резервным французским армиям пути к объединению в единый кулак. В Польше располагались два свежих корпу-

са — Ренье и Шварценберга. В Прибалтике — боеспособный корпус Макдональда. Наш главнокомандующий выдвинул против Макдональда войска Витгенштейна, а против Ренье — армию Чичагова. Между тем, главные силы русской армии преследовали остатки французских войск, отступавших по направлению к Вильно. Их вёл на Запад Наполеон. В Сморгони состоялся знаменитый военный совет, на котором Наполеон заявил своим маршалам: *«Оставляю вас, чтобы привести триста тысяч солдат. Война не кончилась за одну кампанию, нужно готовиться ко второй кампании»*. Получив подкрепление, он намеревался снова воевать на территории России. Наполеон был гением мобилизации — и многие верили, что ему удастся с новыми силами навалиться на обескровленную Россию. Наполеон тайно покинул армию, направился в Париж. Временным главнокомандующим поредевшей Великой армией стал маршал Мюрат. Ему не удалось оказать сопротивление, закрепиться в Вильно: от Великой армии осталась горстка горемык и храбрецов.

Идеология победы

10 ноября русская армия вступила в Вильно. Кутузов имел право торжествовать победу: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля». Жить ему оставалось четыре месяца... Великий стратег, храбрый солдат и осторожный полководец ушёл, совершив главное: он уничтожил армию захватчиков.

В последние годы всё популярнее становится сенсационная антикутузовская версия 1812 года. Исследователи и публицисты, в надежде на лёгкий успех и широкий резонанс, выстроили многоэтажные корпуса предположений на одном факте: Кутузов был масоном. Это правда. В отличие от Суворова, отрицательно относившегося к масонству и Пушкина, чьё увлечение обществом вольных каменщиков было кратковременным и несерьёзным, Кутузов был самым настоящим масоном, дослужился до орденского имени «Зеленеющий лавр» с девизом «Победами себя прославить».

Но нельзя судить о русском масонстве XVIII — начала XIX века по стереотипам нашего времени. Молодой Михайло Голенищев-Кутузов нашёл в ложе превосходный круг общения: это была лаборатория разнообразных идей, в том числе и патриотических. Да, ближе к 1812 году в русской масонской среде многие симпатизировали Наполеону. Но масонство не было однородным, и Кутузов — не ангел во плоти, но человек своенравный и хитроумный — не впадал ни от кого в зависимость. Он был приверженцем не просто патриотических, а почвеннических идей. Истинно русский человек, Кутузов впитал и премудрости европейского просвещения, и глубину православной старины. Вспомним, что Наполеон называл его «старым лисом Севера». Да, князь Смоленский сражался за свою северную империю и на поле боя, и на стезе политической.

Кутузов шахматы предпочитал азартной баккаре. Своей стратегии Михаил Илларионович следовал неуклонно, умело приспособившаяся для этого обстоятельства. Он не боялся ни царской немилости, ни народных проклятий. Для него и Бородинское сражение было,

главным образом, очистительной жертвой, без которой армия не обрела бы морального права оставить Москву. Мало кто мог осмыслить планы Кутузова: выиграть время, накопить силы, заманить противника в западню.

Кутузов был мастером выигрывать не сражения, но войны. «Когда речь идёт не о славе выигранных только батальев, но вся цель, будучи устремлена на истребление французской армии... я взял намерения отступить».

Когда француз занял Москву, положение Кутузова стало шатким. Только будущее могло доказать его правоту — и, как мы знаем, доказало. Но это был маневр на краю пропасти. Запомним великую дату: 13 сентября 1812 года. Военный совет в Филях. И бессмертные слова Кутузова: «С потерей Москвы не потеряна Россия... Самым уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю...». Наполеон был убеждён, что из Москвы он сумеет навязать России мир, выгодный Франции. Но Кутузов видел дальше! Как стратег, как политик, он превзошёл гениального корсиканца.

Когда мы читаем письма Кутузова, обращения к армии, невольно приходит мысль: вот бы России такого правителя! Но он не был главой государства — и, конечно, подчинился императору, после изгнания французов за пределы России перешёл рубикон, двинулся в Западную Европу. Этому посвящено одно из самых проникновенных обращений Кутузова к армии. Вчитаемся — и увидим глубину мыслей потрясающую:

«Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах Империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем; стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сём быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было ещё примера столь блистательных побед; два месяца сряду рука ваша каждодневно карала злодеев, путь их усеян трупами. Только в бегстве своём сам

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали. Так Всемогущий Бог изъяснял на них гнев Свой, и поборал Своему народу. Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идём теперь далее. Перейдём границы, и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались Святыню; и вы видели, как десница Вышнего праведно отомстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем! Справедливостью и кротостью в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружались против России. Непременная воля Всемилостивейшего ГОСУДАРЯ нашего есть, чтобы спокойствие жителей не было нарушаемо, и имуществва их остались неприкосновенными».

Около 530 тысяч солдат оставил Наполеон в России. Колоссальная армия!

В споре с Александром Кутузов отстаивал для армии право на передышку. К тому же он не желал, чтобы из всех стран антинаполеоновской коалиции одна Россия несла ощутимые потери... Первой задачей 1813 года Кутузов считал создание боеспособной немецкой армии, которая сражалась бы с войсками Наполеона. Кутузов писал воззвания к немецкому народу, не сидели сложа руки и русские дипломаты. После Калишского союзного трактата пруссаки начали мобилизовывать армию и набирать ополчение. Кутузов мог вздохнуть: отныне не только русские солдаты будут погибать в схватках с Великой армией. Между тем, русские войска заняли Берлин и Гамбург, где их встречали как освободителей. Сам Кутузов так далеко не выдвигался, его путь лежал в столицу Саксонии — Дрезден. В середине апреля, по дороге в Дрезден, фельдмаршал захворал.

Он и умрёт на чужбине, в зарубежном походе, в Бунцлау. Солдат, служивший Родине до последнего вздоха. Дипломат, мыслитель, хитрец, каких немного было в истории России. «Дипломат» — это мы не для красного словца. Приведу одну характерную для Кутузова мысль: «*Буонапарт... не подумал, что двум нациям, равно храбрым и могущественным, в сущности, не о чем спорить и они должны не истреблять, а взаимно уважать друг друга и развивать связи во всех областях... Должны содействовать достижению всеобщего согласия для сохранения мира на земле*». Так способен мыслить только выдающийся дипломат! Не забудем и восхитимся: эти слова были сказаны в разгар противостояния, и сказал их солдат, который умер, надорвав силы на этой войне. Никакой мстительности, никакого озлобления...

У Кутузова две могилы: под Болеславцем (что в современной Польше), и в Казанском соборе,

М.И. Кутузов. Гравюра Д. Годби по оригиналу Р. Волкова.

Идеология победы

в Петербурге. Туда отвезли набальзамированное тело князя Смоленского. До сих пор продолжаются споры — где же похоронено сердце Кутузова? Существует романтическая легенда, что оно до сих пор покоится «на старой саксонской дороге», у деревушки Тиллендорф. Эта легенда вдохновляла красноармейцев, которые освобождали Польшу в 1945-м. Они клялись бить врага у польской могилы Кутузова. По решению Военного совета I Украинского фронта на старом деревенском кладбище возвели Кутузовский мемориал, центром которого стал памятник полководцу. Рядом с могилой Кутузова захоронены останки 141 советского воина, погибшего в боях за освобождение Силезии от фашистов, в том числе 42 Героя Советского Союза. У входа на территорию кладбища застыли в вечном карауле фигуры российских солдат — гренадера 1813 года и совет-

ского бойца 1945 года. А Евгений Долматовский написал стихи:

*Достоинo несут свою службу гвардейцы
На самом на дальнем пороге,
И слышно, как бьётся Кутузова сердце
У старой саксонской дороги!*

Кем остаётся для нас Кутузов? Израненный дородный герой глядит на нас с портретов. Пример неброского героизма, государственной мудрости, русского умения терпеть невзгоды, выжидать и преодолевать себя. Не о Кутузове ли вспоминал немецкий железный канцлер, когда в критические минуты он говорил сам себе: «По-русски, Бисмарк, по-русски!». По-русски — значит терпеливо и целеустремлённо.

Теперь бы всё это понять, трижды осмыслить — какое нам ещё патриотическое воспитание?

По заветам Кутузова

Кутузов мечтал видеть Россию и Францию союзниками. Время показало, что и в этом вопросе полководец проявил проницательность. Логика истории сблизила Россию и Францию.

Так сложилось, что Россия никогда не напала на Францию, никогда не участвовала в агрессивных военных союзах, направленных против Французской империи или республики. При Екатерине Великой и при Павле Первом появлялись планы нападения на революционную Францию в целях искоренения революционной «геены». Богоборчество и антимонархизм якобинской республики ужасали русских патриотов. Они собирались огнём и мечом спасти Францию от революции, наставить французов на путь истинный... Обстоятельный план такой интервенции вышел из-под пера Суворова. Нет, русский полководец не намеревался поработить Францию, не хотел превращать её в вассала петербургской короны. Суворов

Памятник М.И. Кутузову в Москве.

Скульптор Н. Томский. 1958 г.

А.А. Замостьянов. Память о 1812-м

горел желанием вернуть Францию Бурбонам, вернуть её французскому дворянству, возродить влияние католической церкви. Но и такая интервенция, как известно, не состоялась. Как бы повернулась история, если бы в 1793-м или в 1799-м русские войска (вместе с австрийскими и прусскими частями) заняли революционный Париж? Можно только гадать. В реальной истории русские оказались в Париже только в 1814-м, преследуя армию Наполеона от стен Московского Кремля. Парижане с ужасом ожидали «северных варваров», но русские в гостях варварства не допускали и вполне поладили с мирными французами. Пребывание русских во Франции предвосхитило будущий политический союз двух держав.

При Александре III союз России и Франции стал основой внешней политики двух стран, основой их мирного процветания. Свидетельство тому — роскошный, парадный парижский мост, который до нашего времени носит имя русского императора.

И это при том, что Россия всегда географически и политически была связана с германскими государствами — вечными противниками Франции.

Ещё в знаменитой энциклопедии Дидро и Д'Аламбера написано: «Торговля с русскими выгодна для Франции, полезна для Голландии и невыгодна для Англии». Дидро и его современники мечтали укрепить экономические связи Франции и России. По поводу Англии автор энциклопедической статьи о России де Жокур лукавил — просто его не устраивало, что Англия оставалась крупнейшим партнёром северной империи. Надежды энциклопедистов сбылись в конце XIX века.

Оценим политическую зрелость русского императора. Самодержец не просто убеждённый монархист, а само олицетворение монар-

хии — он сделал ставку на дружбу и сотрудничество с республикой. Этот договор ко многому обязывал! И царь-миротворец с уважением вслушивался в слова французского гимна, которые не сулили монархам ничего, кроме плахи.

Столетие войны 1812 года отмечалось с небывалым размахом. Патриотический праздник пришёл в каждую гимназию... Тогда в России правил последний из Романовых — Николай Александрович. Он продолжал профранцузскую политику отца — и в 1912-м году, отмечая славную сотую годовщину, Россия не посылала проклятий бывшим противникам. Русские и французы в XX веке относились друг к другу по-рыцарски, без злопамятности. Русские и французы вместе воевали против агрессора в годы Первой мировой. Вместе сломали хребет гитлеровской Германии — и французы помнят, что город на Волге, славный Сталинград стал местом решающей битвы не только за освобождение Советского Союза, но и за свободу Франции.

В годы Холодной войны, когда ведущие страны мира, по существу, объявили бойкот Советскому Союзу, голлистская Франция вела самостоятельную политику и оставалась для России дружественной державой.

Взаимоуважение двух великих народов окрепло в годы войн. Оно необходимо нам и в мирное время. Священная память о 1812 годе сегодня не разъединяет Россию и Францию. Погружаясь в героическую Отечественную войну, российские школьники узнают и о французской культуре. Ведь о 1812-м, о рыцарском противостоянии России и Франции писали Стендаль, Беранже, де Сталь, Дюма. История произвела маневр, достойный Бонапарта и Кутузова: наши народы начали с кровавого противостояния, а пришли к дружбе, к совместному почитанию памяти доблестных павших героев. *История всегда права.*

